

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Речь на могиле А. И. Герцена в Ницце

7 апреля 1912 г.

Гг.!

Гейне говорит, что история литературы есть обширная покойницкая¹, в которую каждый из нас идет отыскивать дорогих ему мертвецов. «И когда,— продолжает он,— между множеством незначительных трупов я вижу там Лессинга или Гердера с их благородными лицами, в моей груди начинает сильно колотиться сердце».

Теперь, по случаю столетия со дня рождения А. И. Герцена, вся свободомыслящая и свободолюбивая Россия — да, как видите, и не одна Россия — идет в ту покойницкую, на двери которой написано: «*История русский общественной мысли*»; и когда она видит там благородный образ нашего великого писателя, в ее груди, конечно, тоже сильно колотится сердце.

Свободолюбивая и свободомыслящая Россия чрезвычайно многим обязана А. И. Герцену. Достоевский когда-то называл его *gentilhomme russe et citoyen du monde**. В это название Достоевский вложил немалую долю иронии. Но ирония эта совершенно не заслужена Герценом. Я готов, пожалуй,

* Русским дворянином и гражданином мира. См.: Дневник писателя за 1873 год (гл. 2 «Старые люди»).

согласиться, что свободомыслящий человек может отчасти сознавать себя виноватым, принадлежа к российскому дворянству. Ведь это оно делало нашу петербургскую историю после Петра I, когда царей было не слишком много, а более цариц, ту историю, которая имела такое печальное сходство с кровавой трагикомедией и неприличном доме; ведь это оно, увидя себя вынужденным освободить своих крепостных крестьян, наградило их за долгую службу ничтожными наделами, на которых они могли только бедствовать, нищенствовать, голодать и вырождаться; наконец, ведь это оно и до сих пор распоряжается в России, как в завоеванной стране. Повторяю: можно, пожалуй, чувствовать себя виноватым, принадлежа к этому доблестному сословию, но следует указать и обстоятельства, весьма значительно смягчающие подобную вину: человек не по собственному выбору родится дворянином, мещанином или крестьянином. Да и не в том дело, кем он *родится*; дело в том, *что он делает, как он ведет себя в сознательную пору своей жизни*. То правда, что человеку, принадлежащему к числу так или иначе привилегированных, несравненно труднее, чем непривилегированному, встать на правильную точку зрения; но тем больше чести для тех, которым это удастся. А на вопрос, удалось ли это А. И. Герцену, отвечает вся его жизнь. Его роль в деле освобождения крестьян показывает, что он был на стороне эксплуатируемых, а не на стороне эксплуататоров. Достоевский думал, что Герцен сделался *citoyen du monde* вследствие разрыва своего с русским народом. Но Герцен никогда не разрывал ни с народом, ни с Россией. Тот, кто разорвал со своим народом, не дорожит его интересами. А Герцен горячо дорожил интересами русского народа. Он не лгал, когда писал о себе, что с детских лет бесконечно любил наши села и деревни. И он был русским до конца ногтей. Но любовь к родине не осталась у него на степени темного зоологического инстинкта, как известно, способного проявляться подчас зверским образом; она была возведена им на степень осмысленной человеческой привязанности. И в той самой мере, в какой она возвышалась у него на эту степень, он становился всемирным гражданином. Как он понимал осмысленную любовь к родине, видно из его отношения к польскому

восстанию 1803 года. Вы все знаете: его называли изменником; его упрекали в том, что, оказывая нравственную поддержку польским повстанцам, он оскорбляет чувства своего собственного народа; от него отвернулось огромное большинство его недавних поклонников. Он тяжело страдал от этого, но продолжал твердо стоять на своем. Из-под его пера вышел ряд статей: «Vivat Polonia», «Mater Dolorosa», «Resurrexit»* и др., полных глубочайшего негодования против жестоких усмирителей Польши. Он не верил «патриотическим» рассказам о том, что весь русский народ одобряет усмирителей. «Нет, нет и нет,— восклицал он в своем «Колоколе»,— проклятое дело вытравливания целого народа из народных семей не есть наше общенародное русское дело!». Русский народ, т. е., по-тогдашнему, собственно, крестьянин, слишком занят был, по словам Герцена, вопросами своего освобождения и своего земельного устройства, чтобы заботиться о подавлении Польши. Но если бы он и в самом деле потребовал ее подавления, если бы он тоже заразился полицейской чумой высших сословий, то и тогда Герцен не перестал бы сочувствовать польским повстанцам. «Мы не рабы нашей любви к родине,— писал он,— как не рабы ни в чем». Свободный человек не может признать такой зависимости от своего края, которая заставила бы его участвовать в деле, противном его совести. Так говорил он.

Это поистине золотые слова. Каждый из нас должен как можно чаще вспоминать их теперь, зайдет ли речь о жестоких и постыдных еврейских погромах, или о нарушении финляндской конституции, или о запрещении украинским детям учиться по-малорусски, или вообще о каком бы то ни было угнетении какого бы то ни было народа, какого бы то ни было племени, входящего в состав населения нашего государства!

О Герцене говорили: он готов отдать *Польше* земли, издавна бывшие и признававшие себя *Русью*. Но, во-первых, неужели уместно было поднимать спор о границах будущей Речи Посполитой в то время, когда полицейски-бюрократическая Россия держала Польшу за горло и, поставив ей

* «Привет, Польша», «Матерь Скорбящая», «Воскресение» (лат.).

колено на грудь, готова была задушить ее? Во-вторых, точка зрения Герцена в этом вопросе *была точкой зрения автономии национальностей, их свободного самоопределения*. Он спрашивал: «Отчего бы нам с Польшей, с Украиной, с Финляндией не жить как вольный с вольными, как равный с равными? Отчего же всех мы должны забирать себе в крепостное право? Чем мы лучше их?». Это теперь — точка зрения всего передового человечества, это — точка зрения рабочего Интернационала.

Вот в каком смысле А. И. Герцен был гражданином мира. И за то, что он был *таким* гражданином мира, надо не смеяться над ним, а рукоплескать ему.

Когда славянофил И. С. Аксаков, повторив в своем органе распространенные против Герцена гнусные клеветы, посоветовал ему покаяться, тот отвечал: «Нет, Иван Сергеевич, не блудными сынами, не поседевшими Магдалинами с понурой головой воротимся мы, если воротимся, а свободными людьми, требующими не оправдания, не прощения, а признания дела всей их жизни»².

Он имел полное нравственное право написать эти гордые слова. И все мы, вспоминая теперь Герцена по случаю столетия со дня его рождения, чтим его память не словами оправдания, снисхождения или прощения, а словами, заключающими в себе полное, безусловное признание всей его жизни.

Гг.! Герцену не суждено было вернуться на родину. И если бы он дожил даже до нынешнего дня, то, может быть, ему и теперь пришлось бы скитаться в изгнании. Дело веков поправлять нелегко. Но не будем унывать. «Живуча русская жизнь!» — сказал он однажды в своем «Колоколе». Он и тут был прав. Действительно, живуча! Не убьют ее Пуришкевичи и Крупенские, Гермогены и Распутины! Россия идет вперед, несмотря ни на что. Она еще не сбросила своего ярма. Это ярмо продолжает глубоко ранить ее плечи. Но теперь идея свободы глубоко проникла, наконец, в народ, чего еще не было в эпоху А. И. Герцена. Много ли людей сочувствовало ему в 1863 году, когда он мужественно встал на защиту Польши? Одна горсть. Народ в самом деле не думал о Польше. Это в лучшем случае. А в худшем — темные дети русского народа тоже готовы были кричать: «Распни ее!

Бей поляков!» А теперь? Ноябрьская стачка 1905 года провозглашена была, между прочим, потому, что правительство ввело в Польше военное положение. Русский пролетариат доказал этим свое умение сознательно отнестись к судьбе польского народа. «Но контрреволюция победила пролетариат с его требованием свободного самоопределения народностей», — скажут мне. Я отвечу вопросом: «Надолго ли?» Еще Гегель говорил, что бывают эпохи, когда дух всемирной истории — когда историческое движение, скажем мы нынешним языком — скрывается под землю и роет там, подобно кроту, подрывая основу существующего порядка. Настает благоприятная минута — и отживший порядок рушится, и тогда все мы видим, как хорошо работал крот, и тогда все мы кричим ему, как Гамлет тени своего отца: «Крот, ты хорошо роешь!». Поверьте, что русский крот очень недурно роет³. Наконец, мы теперь не одни. В начале 60-х годов западноевропейские народы только еще начинали стряхивать с себя маразм, овладевший ими после бурных событий 1848–1849 годов. А теперь даже персы требуют свободы, теперь даже долго неподвижный Китай пришел в движение и провозгласил республику. О Западе же нечего и распространяться. Рабочий Интернационал вырос здесь в могучую армию. Польшу подавила военная сила. Рабочий Интернационал — непримиримый враг милитаризма. В 1848 году немецкие реакционеры распевали:

Gegen Demokraten
Helfen nur Soldaten!*

К сожалению, это было так: против демократов помогли солдаты. Но теперь мы можем пропеть:

Gegen Soldaten
Helfen Sozialdemokraten!**

Рабочее движение передовых стран служит теперь самым надежным обеспечением международного мира.

* Против демократов
Помогут только солдаты! (нем.).

** Против солдат
Помогут социал-демократы! (нем.).

Вообще, наше время очень благоприятно для дела свободы в том смысле, что оно с каждым днем значительно увеличивает шансы ее окончательной победы. Если бы Герцен жил теперь, он, конечно, не разочаровался бы в Западной Европе.

Он много страдал от своего разочарования в ней. Но и после этого разочарования он не утратил веры в Россию. Нынешний день оживит и нашу веру в лучшее будущее нашей многострадальной страны. Каждый из нас уйдет с его могилы, бодро повторяя его бодрые слова: «Живуча русская жизнь!» — и сознавая себя нравственно обязанным быть таким *гражданином мира*, каким был в свое время наш незабвенный А. И. Герцен.

1912

